

Творческий сборник

ПРОБА ПЕРА – 4

Гурьевский район
2014 год

*Гавриленко Анна Степановна,
логопед МБДОУ «Малосалаирский детский сад»*

Для Пространства любви нет границ и начал
И ему на пути не построен причал.
Для Пространства любви нет запоров, домов,
И не строят ему теремов.

Люблю! – И солнца свет.
Люблю! – И счастье вслед.
И я любви раба.
И в том – моя судьба.

Растворяюсь в любви, словно звезды в ночи,
Разгораюсь в любви, словно пламя свечи.
Я купаюсь в любви – на волне легкий след.
И в Пространстве любви все, кто молод и сед.

Я Пространство своё и Пространство твоё
Опушу на луга, на цветы, на жнивье.
Я в Пространстве любви весь укутаю свет –
Без Любви для меня жизни – нет!

Отмолила я себя у старости.
Ангел юн. Моя душа – ребёнок
Не открыла дверь обидам, ярости,
Жизнь – мосток для них непрочен, тонок.

Я готовила себя для старости –
К творчеству, успехам, неудачам.
Не хватает только самой малости –
Платья из салона «от Версаче».

Да еще фигуры идеальной,
Щечек гладких, туфель с каблучками,
Мыслей быстрых, озорных, реальных
И саней красивых – с облучками.

Чтобы мчаться в них без остановки,
С ямщиком в молчанку не играя,
И с коней счастливые подковки
В жизнь-мосток на всем скаку вбивая.

Из детства

Сончас

В летний зной закрывали ставни.
В обед - на полу сончас вповалуху.
И полумрак идиллии давней
Укладывал спать и котенка, и муху.

По потолку кто-то шел вверх ногами.
От смеха икали, подушки кусая.
И пахло капустой и пирогами,
Что стряпала мама, улыбку бросая.

Шаг в мирозданье

Объявление. Завтра в школе
состоится вечер вопросов и ответов.
Вопросы подавать письменном виде

1-й класс. Я — большая. Разумна при этом.
- Ты придумай-ка. Аня, вопрос до утра.
Только пусть это будет огромным секретом,
Про который узнает потом детвора.

- Ну о чем бы спросить-то, о чем? — Я не знаю.
Озорная луна поиграла со мной.
Аж подпрыгнула! Быстро листочек хватаю:
«Почему мы Луну называем Луной?»

Кто узнал, что Луна – это точно Луна,
И откуда узнали ее мы название?»
(без подсказки чужой, я впервые сама
Постигать начинала азы мирозданья).

- Почему мы Луну называем Луной?
Потому же, что кошку зовем просто кошка!
Зал в ответ хохотал. Надо мной? Надо мной...
Ну, зачем я Луну увидала в окошко?

Лектор прячет лицо за платок носовой,
Ловко ловит очки, словно птицу в полете,
И кричит через смех, что по залу стеной:
- Ох, и трудный вопрос, ребятня, задаете!

За облепихой

Мы шагаем за облепихой -
Вся голодная «куча-мала».
Где с улыбкой и смехом, где с психом –
Через речку, в чем мать родила.

По дороге калину ломаем.
«Старшики» помогают нести.
Отдыхая, болтам, мечтаем:
Вот скорее бы подрасти!

И деньки, словно кони, бежали
На калиновый запах в метель.
Мы ж по очереди лизали
Стенки чашки, где плакал кисель.

Гроза

-Ура! Гроза!
-Айда скакать по лужам!
На небе радугу Господь нарисовал.
Вдруг слышим – крик.
И в нем – смертельный ужас:
-Убило! Громом! Ваньку
На-по-ва-ал!
...С тех пор грозу боюсь.
Рисует память:
На черном небе
Молний страшный бал,
Под белой простынёю
Дядя Ваня,
Что горкой уголь,
На земле
Лежал.

Зелёная тоска

Что-то не сложилось,
Не сложилось что-то,
Оттого сегодня
Петь мне неохота.

Кажется, что солнце
Спряталось за тучу –
Может, это «что-то»
Завтра будет лучше?

Не сложилось что-то,
Что-то не сложилось...
Надо мною в небе
Облако кружилось –

Для других по-прежнему
Солнышко струится.
Небушку безбрежному
Радуетя птица.

- Ты скажи мне, «Что-то»,
Что со мной случилось?
Отчего с душою песня разлучилась?

А в ответ мне «Что-то»
Тишиной вздохнуло
И тоской зеленой
Под столом заснуло.

Старое платье. Старое...
Плачет, наверно, усталое.
Молодости – лезгиночка,
Старости – сон-травинушка.

На покосе впервые косила.
Навыка нет — одна сила.
Острием в землю коса —
За мною лохматая полоса.

Но, закусив губы до крови,
Платок — на глаза. Ну, что сказать:
Я за спиною свой свекрови,
В горле комок, сдвинуты брови —
Движенья ее пыталась «слизать».

Весна. Укорачиваются ночи.
В душе отчего-то телячий восторг.
И смотрит нахально
Прохожий в очи,
Как будто бы брачные узы расторг.
Сброшена шуба.
Свобода в движении,
Легкость в ногах и —
Берет вбок.
Преодолев Земли притяжение,
В небо стремится
Березовый сок.

У озера

Как странно:
Зеркало – озеро.
В нем облака
И вверху облака.

И не нужно ни трактора,
Ни бульдозера,
Чтоб отгрести их
От поплавок.

Чайки о зеркало
Не разбиваются –
В кольцах вода,
Облака - вразлёт.

И лишь рыбак
Сидит улыбается...
Чему улыбается?
Ведь не клюёт!

А на дворе в разгаре лето,
И у него закон таков:
Седает тополь с нижних веток.
А я – и с челки, и с висков.

Но лето красное потухло.
Березы мечутся в окне...
Срубили тополь. Нету пуха...
Знать, скоро уходить и мне.

Не проклинай, хоть свет не мил,
Не собирай тоску в объятья
И не снимай любви распятье –
Мне без тебя мой дом постыл.

Спаси, мой милый, от зимы!
Не исчезай – так сладок миг!
Вспоминанья льются песней,
И эта песнь была чудесней,
Когда в объятьях были мы.
Спаси, мой милый, от зимы...

В гостях на Алтае

Здесь на час позже
Просыпаются,
А мне же
– ну, хоть глаза
Зашивай.
Спящие блаженным сном
Наслаждаются,
А мне - мучение
Этот рай.

- Так, зубы – чистить...
Встаю на цыпочки,
Крадусь по скрипучей
Ковровой стране.
И сонное царство
(уже без улыбочки)
Что-то бормочет
Невнятное мне.

- Простите
За раннего утра начало!
(А головы – будто на речке буйки).
И вспомнилось вдруг,
Как когда-то ворчала:
- Ну, что же не спится
Вам, старики?

Белые ночи

Самый длинный июньский день.
Для сна – минуты. Сны – миг.
Лик убывальной Луны сник,
Как будто нынче светить лень.

А где-то там - белые ночи.
Утро с вечером обнимаются.
И не нужно Луны. Им в очи
Звезды глядят – и растворяются.

Зашторивать окна никто не спешит:
Будь что будет! И будет – праздник.
Записывая строки, которые дразнят,
Поэты ломают карандаши.

Кисти художников оживают.
И, в полусвете белых ночей,
Они колоры на холст надевают,
Как ключарь на руку связку ключей,
Торопясь,
Зная, что скоро трамваи
Сомкнут одеяния белых ночей...

Невероятно, но это так:
Вчерашний друг вдруг становится враг.
Устав от мыслей, что скрежетом губят,
Иду туда, где меня не осудят,
Иду туда, где меня понимают,
Такую, как есть,
Вос-при-ни-мают.

Музе

Улыбаюсь – сегодня я счастье
Отыскала в строфе у себя.
Ну, спасибо, мой друг, за участие
И – прощаюсь, безмерно любя!
Всё. Окончена наша встреча.
Как прекрасна она, как весна!
Только вот не зажгла снова свечи,
Оттого и рука холодна...

Две наседки

Я привязана очень к соседке —
Видно, в этом моя судьба.
Мы, как две пестрогрудых наседки,
Вместе любим жучков добывать.

Мы их вместе клюём, улыбаясь,
То кудахтая, то молчком,
Умиляясь и удивляясь
Хоть каким-нибудь червячком.

А яиц не несём-
Право, слово,
Куд - куда и кому эта кладь?
Только вот нам на счастье подкову
Очень хочется отыскать.

Чтоб лошадка, что долго хромала,
На колдобине сбросила б воз
И подкову бы ту потеряла-
Нам на счастье, хозяйке для слёз.

Только... Как же поделим подкову?
- Неужели поссоримся, слышь?
Отчего же, соседushка, слово
Не промолвишь, что молча стоишь?

А она: «Куд - куда мне подкова?»
Пусть твоя будет, только твоя...
Вот и всё. Только всё ж, право, слово,
Не наседки мы - два соловья!

Не нужно мне лоска
И штопанья дыр.
Обитель нужна,
А не сотня квартир,

Лесной уголок,
И костер, и шашлык,
И от комаров
Попрочнее башлык.

Хочу, чтобы солнце
В окошко смотрело,
Да чтобы гитара
Смеялась и пела.

Бокал вина был выпит
До конца.
Не нужен он –
Не рассмотреть лица.
Хмельное зло
Неверие сулит,
А змий зелёный
Зеленью манит...

Гимн Гурьевску «Сосновая свирель»

Проект

Одуванчиковый солнцезвет,
Отбелив ромашковой пудрой,
Ты вошел в 21 век,
Деловитый, спокойный и мудрый.
Новый день начинает гудок –
У фабричной горы эхо вторит.
Детский смех, городской шумок –
Все прекрасной гармонии в хоре.

Гурьевск - сосновая свирель
Поет для сердец открытых,
Ты - наша жемчужина и колыбель,
И кладезь талантов скрытых.

Все подвластно: – руда и металл,
А с династиями все возможно.
Воевал и победу ковал,
Не робел, когда было тревожно.
От завода берешь зачин.
Он - опора твоя как и прежде.
И стоишь на руках мужчин,
Что «атлантами» держат надежду.

Славься, наш малый городок,
Будь день ото дня моложе.
Мы любим тебя!
Мы верим в тебя!
И вместе мы многое сможем!

Муза – мне

Встрёпанная чёлка
Вихрем на челе.
Ты по жизни мчишься
Всадником в седле,
Плача и лютуя,
Радуюсь, скорбя.
Я бы ту, иную,
Не нашла тебя.
Мчись! Не падай больно!
Синяки сноси!
Милая, довольна
Милости просить –
Пусть судьба – судьбина
Подчинится враз,
Чтоб был самый дивный
О тебе рассказ!

Притчи

Жадность

Однажды мудрец сказал юнцу:

- Ты силен, хитёр, остроумен, но жаден безмерно.

- Что с того? Кому это мешает?

- Тебе, как ни странно. В душе твоей постоянной хозяйкой поселилась жадность. Она гложет тебя даже во сне. Обуздай её, ибо сожнёт она тебя раньше времени.

- Ну, так что же? Все вокруг жадные, я знаю точно. Вот на днях зашёл к соседу зёрен пшеницы попросить. Ну, он дал. Сварил я кашу и, когда стал есть, подавился. Что это значит? Это значит, что пожадничал сосед. Вот поперёк горла каша и встала.

- Так – так... А знаешь, может, ты и прав... Вот тебе кусок мяса – съешь его, интересно, я жадный или нет?

Молодой человек выхватил из рук мудреца дармовую еду и целиком затолкал кусок мяса в рот, боясь, что старец передумает и отберет его или попросит поделиться. Кусок застрял в горле. Раздался хрип, и юнец бездыханно упал у ног мудреца.

Тот подождал немного и, резко стукнув юношу по спине, выбил мясо изо рта на землю.

- Что ты натворил? Ты испортил мой обед! – зло воскликнул юноша, едва оправившись от испуга, - жадина!

- Жадина!? Да, видимо, я и вправду жаден, коли, ты подавился моим даром.

Мудрец нагнулся, поднял злосчастный кусок, стряхнул с него пыль и кинул пробежавшему мимо псу – не пропадать же добру. Потом посмотрел на юношу и сказал:

- Когда в следующий раз снова отправишься к Всевышнему, попроси его, чтобы он простил мне мой грех – жадность.

Юноша, вмиг осознав, что произошло, залился румянцем и, рухнув на колени перед старцем, стал благодарно целовать его руку.

А ты жаден? Не знаешь? Вот и я не знаю. Да и не надо, ибо жизнь так коротка... И не хлебом единым сыт человек.

Эхо любви

...Это была очень красивая блондинка с чудными карими глазами. Больше всего на свете Кнопка любила петь, но об этом никто не знал. Уже от самой двери её звонкий лай извещал всю округу, что она есть, что счастлива и красива. Вдоволь набегавшись, она начинала проявлять свой талант во дворе, где до неё никому не было дела. Опершись правой передней лапкой о низенькие перила, как на рояль, и, встав на задние, начинала сольный концерт.

Она лаяла до тех пор, пока хозяева с балкона не произносили привычное: «Кнопка, домой!» Послушно глядя вверх, каждый раз думала с до-

садой: «Эх, хоть бы когда – нибудь догадались вместо этих казенных слов крикнуть: «Браво!» Она покорно выполняла команду и дома, лежа на теплом диване, сочиняла всё новые и новые песни. Вскоре она засыпала. Во сне Кнопка вздрагивала, как будто кому-то кланяясь. И часто на её симпатичной мордочке появлялась улыбка... Может быть, ей снилась сцена и аплодисменты? Прекрасное дело – творчество. Изумительное чувство – признание твоего таланта словом «Браво!» хотя бы во сне.

Однажды её грезы нарушили слова: «Кнопка, гулять!» Она вновь кубарем скатилась по ступенькам на улицу. Сегодня ей исполнилось пять лет, и всё вокруг казалось правдивым и ярким. Набегавшись и налаявшись досыта на дворовых кошек и воробьев, она привычно встала в позу певицы и начала концерт. Во дворе было тихо, и она вдруг услышала, что песне кто-то ответил, в точности повторяя её, собственную мелодию. Кнопке показалось, что она ослышалась, и продолжила соло, но Некто вторил ей с удивительной точностью каким-то с детства знакомым до боли голосом... Она не была жадной и завистливой и с удовольствием подарила Голосу свои песни, вмиг полюбив Его, всем собачьим сердцем.

Вскоре хозяева позвали Кнопку домой. Она вернулась какая-то тихая и умиротворенная. Ещё бы, сегодня у неё появился друг.

На следующий день все повторилось снова. Так продолжалось каждый день. И каждый раз она стремительно бежала в надежде, что, может быть,

именно сегодня её невидимый Друг придет на первое свидание. Но никого не было. И они вновь и вновь пели канонем свои немудреные собачьи песни.

Прошло семь лет ожидания. Ни с одним женихом Кнопка не хотела общаться, сохраняя любовь для Него - одного. Несмотря на легкость характера, она умела ждать и быть верной своей мечте.

Вскоре собака заболела и умерла, наверное, умерла счастливой. Замолчал во дворе и её Друг. Она так и не узнала, что Он – это её собственное эхо. Да и кому нужна эта правда? Красивая сказка – ложь тоже имеет право на существование.

Две стороны одной медали

Как-то раз пошли на работу два брата. Один пахал, другой за ним боронил. И заспорили, присев отдохнуть.

- Я весь употел, а ты ходишь за мною целый день, как тень, и бездельничаешь, - возмущался пахарь.

В ответ не полез за словом в карман брат – боронильщик:

- Не велика наука землю копать! Ты попробуй из неё ровное поле сделать, да так, чтобы зерно с землей целовалось, а не скатывалось по камням в борозду, как в могилу!

Замолчали оба. Чего уже тут делить – хлеб-то из одной печи есть будут!

И ты так же думаешь? Тогда не кори соседа делом – своё верши на совесть.

Огурцы

Рассказ — быль

- Ой, дочка, как летом огурцы пойдут, так вспоминаю войну проклятую и одну маленькую девочку. Мы тогда с ребяташками в Сычёвке жили. Хозяйство — огород, свинья, восемь кур и баня. Слышу, как-то в калитку стучат. Кто — не видно, ростом не вышел, значит. Открываю. Стоит девчонка — побирушка, ясноглазая, худенькая с котомкой за плечом. Мелькнуло — полупустая: или только пошла по миру, или не дают ничего. Думаю это я, а сама её во двор впускаю и уж калитку закрываю за ней. Вижу удивление в её каких-то бабьих глазах — никто, видно, дальше ворот-то и не пушал. Иду в дом. Девчонка за мной, слышу, трусит и приговаривает:

- Тетенька, если дашь чего — только не огурчиков, их у меня уже полторбы...

Молчу. Комок в горле где-то застрял. Вот завывала бы... уж больно на мою дочку Катеньку похожа, такая же струночка, с копной чёрных волос, по-бабьи собранных на затылке под грязным, непонятно какого цвета платком.

В этот день как раз я баньку истопила, ждала дочку — школьников в поле послали свёклу редить.

- Тебя как зовут-то? — спрашиваю.

- А Варя я. Мы приезжие — с Витебска. Живём на краю Сычёвки, у мамкиной сестры Клавы. Как война прищла, мы к ней и приехали: мамка, я и три братика. Все бы ладно, да голодно очень. Вот и хожу по де-

ревне – может, кто подаст чего... А люди они добрые, хоть с виду и злые. Нынче у всех огурцы народились, так мне и насыпали кто сколько мог... Я их уже так наелась, что глаза на них не глядят. Мамка ругается – заболеешь, говорит, что тогда делать будем? Тетенька, может, картошечка какая есть или хлебушек?

Приговаривает она эдак, а сама за мной идет. Я в баню – и она в баню. Решила, покормлю, чем богата, но прежде в баньке помою. И вот стоит она передо мной голенькая, тоненькая, какая-то покорная (может, боялась, что ежели ослушается, то и подачку не дам?) Гляжу я на неё и никак не пойму, что в ней не так... А кода на свет повернула – ахнула: животик-то у неё – зелененький – и. верно, полный огурцов. Закричала я над ней, горемычной. А Варенька сообразить не может, чего это я вдруг...

- Тетенька, ты чего? Я, авродясь, ничего такого не сделала.

Схватила я шайку, развела воду, да сама тельце её стала шоркать вехоткой со спины да наперёд, со спины да наперёд. Дошла до животика и прикоснуться к нему боюсь – такой тоненькой показалась мне на нём кожа, как на барабан натянутая... А Варенька глядит на меня своими черными глазами, будто понимая, над чем плачу, да и меня же ещё и жалеет:

- Не плачьте, тетенька, а то глаза болеть станут.

И как объяснишь этой девчонке, что не глаза это плачут, а душа болит – разрывается от горя на части. Прижала я её к себе, и аж затрясло всюю меня, закричала я на всю баню:

- Матушка Пресвятая Богородица! Да неужто у фашистов треклятых детишков нету...у – у...

Моя дрожь, видно, Вареньке передалась. Она тоже задрожала вся, посмотрела на меня своими умными глазами и слышу - шепчет тихонечко:

- Тетенька, мне б водички попить...

И, залпом опростав почти ковшик, сказала, как точку поставила:

- Домой пора. Спасибо вам за баню.

Завела я гостью нечаянную в дом, покормила, да с собой дала яичков, сухарей, хлеба полбулки. У калитки она вдруг прижалась ко мне, за руку вцепилась – прилипла к ней щекой благодарной и быстро пошла в сторону дома, не заходя боле ни в одну избу...

Ефросинья Андреевна замолчала, а потом запричитала без всякого перехода...

И было в её причётах горе и страдание за всех и за себя, одиноко растившей трёх своих ребятишек и шестерых приёмных, благодарение Богу за то, что нету войны, да за огурцы, что «спасли ни одну жизнь» в голодные сороковые годы, а теперь стали расти для удовольствия, просьба о прощении за то, что с той поры, хоть огурцы и выращивает, но не ест их, раздаёт добрым людям да внукам своим, наказывая, чтобы ели их с хлебушком, а то будут животики болеть...

Я слушала рассказ мачехи, а сама удивлялась, с каким чувством она, простая деревенская баба, всё это поведала... Невольно подумалось:

- Выжила ли Варенька? Где она сейчас? Помнит ли добрую тетеньку Фросю и её баню? Это ж надо – столько лет прошло, а она зелёный животик её помнит до сих пор...